

Алексей Гараджа

О смысле эпидексии в платоновском «Пире»

ALEXEI GARADJA

ON THE SENSE OF *EPIDEXIA* IN PLATO'S *SYMPOSIUM*

ABSTRACT. When speaking of the sympotic order in the beginning and at the end of his *Symposium*, Plato mentions that the characters pass the logos, along with the wine-cup, ἐπὶ δεξιᾶ (177d3, recapped 214c4, 223c5). A satisfactory interpretation of this expression both in this dialogue and a couple of others (R. 420e4, Tht. 175e7) has occupied many scholars and translators of Plato for several centuries. In most English translations, this passage of both logoi and cups is rendered, with an extra precision, as going 'from left to right'. Not so numerous Russian translations, on the contrary, while bidding for terseness, might have ended up with rather vague or even outright fallacious renderings. To overcome this, a complex exploration of the *epidexia* problem, taken in socio-cultural environments of ancient feasts and philosophical contexts of Plato's dialogues, is called for, the first step being a general review of it.

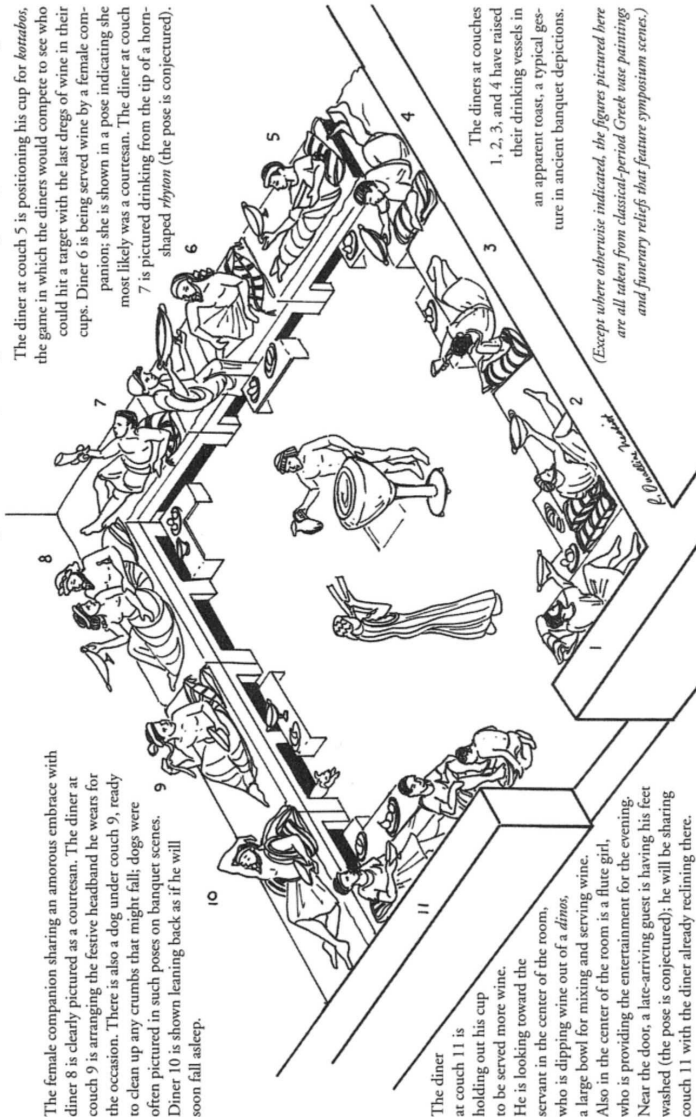
KEYWORDS: Plato, *Symposium*, *epidexia*.

Читатель платоновского «Пира» получает от автора вполне конкретные указания, касающиеся расположения и взаимодействия участников описанного в диалоге симпосия в доме трагического поэта Агафона. Толкование этих деталей — как реальное, так и языковое, как простыми читателями, так и переводчиками либо издателями текста — связано с рядом проблем, которые я и попытаюсь здесь обозначить.

Первая и важнейшая проблема — наглядное представление места действия диалога. Вот что говорят данные археологии:

© А.В. Гараджа (Москва). agaradja@yandex.ru. Платоновский исследовательский научный центр, Российский государственный гуманитарный университет.

Figure 3: Reconstruction of a Greek Symposium The Corinth dining room pictured on the previous page is shown here as it might have looked during a symposium. The couches have been numbered according to their most likely ranking, since the ranking order proceeds from left to right.

The female companion sharing an amorous embrace with diner 8 is clearly pictured as a courtesan. The diner at couch 9 is arranging the festive headband he wears for the occasion. There is also a dog under couch 9, ready to clean up any crumbs that might fall; dogs were often pictured in such poses on banquet scenes. Diner 10 is shown leaning back as if he will soon fall asleep.

The diner at couch 11 is holding out his cup to be served more wine. He is looking toward the servant in the center of the room, who is dipping wine out of a *diinos*, a large bowl for mixing and serving wine. Also in the center of the room is a flute girl, who is providing the entertainment for the evening. Near the door, a late-arriving guest is having his feet washed (the pose is conjectured); he will be sharing couch 11 with the diner already reclining there.

The diners at couches 1, 2, 3, and 4 have raised their drinking vessels in an apparent toast, a typical gesture in ancient banquet depictions.

(Except where otherwise indicated, the figures pictured here are all taken from classical-period Greek vase paintings and funerary reliefs that feature symposium scenes.)

Реконструкция греческого симпозиума по археологическим и иконографическим данным (Smith 2003: 16).

Типичная греческая форма, во всяком случае для частных пирушек — это *андрон*, мужская комната. Она вновь и вновь встречается в домашней архитектуре 5–4 вв. до н.э. практически в одном и том же виде: квадратная, более или менее, комната, со смещённым от центра входом и приподнятой платформой — помостом для лож, обегаящим три с половиной стороны помещения... Ложки ставились изголовье к изножью вдоль стен на помосте, и для каждого полагался отдельный столик. По размерам тоже, как правило, отличий мало: обычное домашнее помещение такого рода вмещало семь или, реже, одиннадцать лож, каждое примерно 180–190 см в длину и 80–90 см в ширину¹.

Сразу же отметим радикальное отличие греческого симпозиума интересующего нас периода от позднейших эллинистических и особенно римских форм (*триклиний*). В помещении типа только что описанного гости располагались на вытянутых вдоль стен *андрона* ложах, спиной к стене, лицом к центру, или средоточию, где стоял большой сосуд для смешивания вина с водой — *κράτῆρ* (от *κεράννυμι* ‘смешивать’) или *δίνοϛ* (от *δινέω* ‘кружить’). Отсчёт мест этого условного круга пирующих вёлся против часовой стрелки *слева направо* с точки зрения самих участников застолья, которые, возлежав на ложах, опирались на левую руку (допуская, что все они правши), а правой брали, например, кубок — но *справа налево* для наблюдателя из центра зала, например виночерпия, — причём первым по счёту шло ложе *справа* от входа (с точки зрения входящего). Это первое место на пирушке у Агафона занимает Федр (Smr. 177d4), последнее же (*слева* от входа на взгляд входящего) — сам хозяин, Агафон (Smr. 175c7), пока к нему не подсаживается вечно опаздывающий Сократ, который и становится с этого момента «последним».

Ведь на каждом ложе могли разместиться двое, а то и трое соотрапезников — ср. Smr. 213a7–b7 (Алкивиад протискивается между Агафоном и Сократом) и 222e1–223a9 (спор о месте между этими тремя). Разумеется, в таком случае они возлежат уже не вытянувшись от изголовья к изножью, бок о бок или грудь к спине, а

¹ Dunbabin 2002: 36–38.

наискосок лежа, каждый на левом боку, причём тот из двоих, у кого сосед оказывался как бы «под крылом» — под правой, свободной рукой, — считался лежащим «выше», и от него ожидалось определённые действия в отношении того, кто «ниже», — например, «восхваление» (ἐγκώμιον, букв. 'принадлежащее к комосу'), о чём, собственно, и спорят Алкивиад, Сократ и Агафон в указанном месте. Эротический подтекст здесь подразумевается — хотя не обязательно гомоэротический, как в нашем случае: по предложению Эриксимаха, «флейтистку» решено удалить, пить каждому вволю и посвятить встречу *логосам* (ἡμᾶς δὲ διὰ λόγων ἀλλήλοις συνεῖναι, Smr. 176e5–8), а именно «восхвалениям» Эрота.

Как резонно замечает во введении к своему изданию «Пира» Кеннет Довер, «возлежание на одном локте, как представляется, неподручно для приёма пищи и неудобно для ведения беседы, зато в самый раз на пирушках, предполагавших сексуальное общение с вызванными женщинами и завершавшихся погружением загулявших гостей в пьяный сон»². В другом месте тот же автор, приводя богатый материал вазописи, уточняет, что возлежание вдвоём на одном ложе «равно способствовало как гомосексуальным, так и гетеросексуальным поползновениям, с той лишь разницей, что *эромен* был полноправным сотрапезником *эраста*, тогда как гетеру, танцовщицу либо флейтистку нужно было сначала водворить на ложе»³.

Не углубляясь в тему «греческой гомосексуальности», серьёзное академическое изучение которой начинается именно с работ Довера, я лишь обозначу собственную позицию на этот счёт. В послеплатонические времена и гомо-, и гетеросексуальность (вполне логично) функционально классифицируются исходя из полового различия, и на гомосексуальность накладывается табу — либо «политкорректное» анти-табу, что сути не меняет. Во времена Платона такая классификация отсутствовала, сексуальность не разделялась и не привязывалась чётко к полу (разве что в социаль-

² Dover 1980: 11.

³ Ibid. 94.

ном, статусном плане) — Платон, собственно, и пытается в двух своих диалогах, «Пире» и «Федре», проблематизировать эротическое как таковое. Для нас важно учитывать, что «гомосексуальность» сегодняшняя и «гомоэротизм» (условно назовём это так) платоновских персонажей — разные вещи, пусть и пересекающиеся: никто не говорит, что отношения *эраста* и *эромена* всегда ограничивались лишь романтическим флиртом, но чаще всего, по-видимому, именно так и было — хотя бы в противовес функциональному (как брачному, так и внебрачному) сексуальному общению с противоположным полом. Повторяю, это лишь краткое обозначение позиции, требующее, конечно, дополнительно детального разъяснения и обоснования.

Но сейчас вернёмся к деталям застольного взаимодействия персонажей «Пира», их обмена *логосами*. Как только что упоминалось, правому («нижнему») соседу по ложу от возлежавшего слева («выше») от него причиталось «восхваление». Такое же «восхваление» (ἐγκώμιον, ἔλαινος) Эриксимах предлагает всем участникам застолья по кругу принести Эроту (Smr. 177d2–5):

δοκεῖ γάρ μοι χρῆναι ἕκαστον ἡμῶν λόγον εἰπεῖν ἔλαινον Ἐρωτος ἐπὶ δεξιᾷ ὡς ἂν δύνηται κάλλιστον, ἄρχειν δὲ Φαιδρον πρῶτον, ἐπειδὴ καὶ πρῶτος κατὰκειται καὶ ἔστιν ἅμα πατήρ τοῦ λόγου.

Пусть каждый из нас, справа по кругу, скажет как можно лучше похвальное слово Эроту, и первым пусть начнет Федр, который и возлежит первым, и является отцом этой беседы⁴.

С учётом сказанного выше о расположении пирующих, картина, казалось бы, абсолютно чёткая: слово передаётся «направо» (ἐπὶ δεξιᾷ), т.е. соседу «одесную» того, кто держал перед тем слово, начиная отсчёт от Федра, возлежавшего «первым» (т.е. справа от входа на взгляд входящего). Однако в русских переводах это движение *логоса* от соседа слева к соседу справа передаётся так, что может ввести в заблуждение: «справа по кругу» (Апт), «справа по порядку» (Карпов), «начиная справа» (Городецкий и Жебелёв).

⁴ Пер. С.К. Апта под ред. А.А. Столярова.

Возможно, все эти переводчики мысленно вставляли в позицию наблюдателя из центра залы — но скорее всего в силу нечёткого общего представления картины симпосия просто неудачно использовали наречие «справа» вместо «направо». Почти то же самое (у Городецкого даже подчеркнуто «справа налево», хотя у Апта исправлено «слева направо») видим и в русских переводах ἐπὶ δεξιᾶ в заключительной сцене диалога, участники которой (оставшиеся на ногах Агафон, Аристофан и Сократ) передают по кругу уже не столько *логос*, как большую чашу с вином (Smr. 223c2–5):

ἐξεγρέσθαι δὲ πρὸς ἡμέραν ἤδη ἀλεκτρούωνων ἄδόντων, ἐξεγρόμενος δὲ ἰδεῖν τοὺς μὲν ἄλλους καθεύδοντας καὶ οἰχομένους, Ἀγάθωνα δὲ καὶ Ἀριστοφάνη καὶ Σωκράτη ἔτι μόνους ἐγρηγορέναι καὶ πίνειν ἐκ φιάλης μεγάλης ἐπὶ δεξιᾶ. τὸν οὖν Σωκράτη αὐτοῖς διαλέγεσθαι.

Проснулся он [рассказчик Аристодем] на рассвете, когда уже пели петухи, а проснувшись, увидел, что одни спят, другие разошлись по домам, а бодрствуют ещё только Агафон, Аристофан и Сократ, которые пьют из большой чаши, передавая её по кругу слева направо, причем Сократ ведёт с ними беседу⁵.

А теперь, потратив столько усилий на то, чтобы разобраться с пространственным определением симпосийной *эпидексии*, необходимо рассказать и о размывании этого определения в греческом узусе и о последствиях такого размывания для толкования платоновских текстов. Дело в том, что интересующее нас наречное выражение могло означать не только местоположение или направление ('справа, направо'), но и характер действия, а именно 'исправно, справски, ловко'. В этом случае издатели предпочитают слитное написание ἐπιδέξια раздельному ἐπὶ δεξιᾶ. В рукописях, впрочем, разобрать такой нюанс практически невозможно, да и метрической необходимости предпочтения тем или иным автором одной из этих форм (равно как и в синонимичной паре ἐνδέξια / ἐν δεξιᾷ) нет — разве что, как замечает один старый немецкий филолог, выбор слитного ἐπιδέξια — например,

⁵ Пер. С.К. Апта под ред. А.А. Столярова.

Гомером (Il. 2.353 и Od. 21.141) — диктовался соображениями благозвучия, подсказывавшими перебить дактилем затянутую цепочку спондеев⁶. В других случаях (Il. 1.597 и Od. 17.365) ἐνδέξια как синоним ἐλιδέξια действительно могло подразумевать 'ловкость' — однако непременно в сочетании и отталкиваясь от идеи «правильного» движения по кругу слева направо (опять же — с точки зрения участников круга); впрочем, ни одна из этих форм у Гомера не дотягивает до полновесного смысла 'ловкости', который в греческом более позднего времени сообщается прилагательными ἐλιδέξιος, δεξιός, от которых и образованы интересующие нас наречия⁷.

Условно обозначим эти два оттенка употребления *эпидексии* как «пространственный» (указание места либо направления в пространстве *раздельным* ἐπὶ δεξιά) и «модальный» (характеристика действия либо его результата *слитным* ἐλιδέξια) и рассмотрим ещё два релевантных для нашего расследования платоновских текста. Первый из «Государства» (R. 420e3–6, описание «коммунистического труда»):

ἐπιστάμεθα γὰρ καὶ τοὺς γεωργοὺς ξυστίδας ἀμφιέσαντες καὶ χρυσὸν περιθέντες πρὸς ἡδονὴν ἐργάζεσθαι κελεύειν τὴν γῆν, καὶ τοὺς κεραμείας κατακλίναντες ἐπὶ δεξιά πρὸς τὸ πῦρ διακλίνοντάς τε καὶ εὐωχομένους, τὸν τροχὸν παραθεμένους, ὅσον ἂν ἐπιθυμῶσι κεραμεύειν⁸.

Мы сумели бы и земледельцев нарядить в пышные одежды, облечь в золото и предоставить им лишь для собственного удовольствия возделывать землю, а гончары пускай с удобством разлягутся у очага, пьют себе вволю и пируют, пододвинув поближе гончарный круг и занимаясь своим ремеслом лишь столько, сколько им захочется⁹.

⁶ Buttman 1825: 1.175.

⁷ Ibid. 1.174–176.

⁸ Бернет читает здесь ἐπὶ δεξιά в обход ἐλιδέξια основной рукописи (Codex Parisinus graecus 1807).

⁹ Пер. А.Н. Егунова под ред. И.И. Маханькова.

Второй из «Теэтета» (Tht. 175e3–176a2, Сократ рассуждает о недостатках воспитания раба):

ὁ δ' αὖ τὰ μὲν τοιαῦτα πάντα δυναμένου τῶς τε καὶ ὀξέως διακονεῖν, ἀναβάλλεσθαι δὲ οὐκ ἐπισταμένου ἐπιδέξια ἐλευθερίως οὐδέ γ' ἁρμονίαν λόγων λαβόντος ὀρθῶς ὑμῆσαι θεῶν τε καὶ ἀνδρῶν εὐδαιμόνων βίον ἀληθῆ.

который всё это [собрать поклажу, сварить обед или произнести льстивые речи] умеет исполнять точно и проворно, зато не знает, как подобает свободному человеку перебросить через плечо плащ или, уловив гармонию речей, достойно воспеть счастливую жизнь богов и людей¹⁰.

Модальным толкованием *эпидексии* мы обязаны разъяснению Исаака Казобона (1559–1614) в его фундаментальных *Animadversiones* к Афинейю как раз этого места из «Теэтета» («ἐπιδέξια valet δεξιῶς... dextre et eleganter» и т.д.), однако ни он, ни его позднейший соавтор-редактор Иоганн Готфрид Швейгхёйзер (1776–1844) на этом не останавливаются, переносят данное толкование и на приведённое только что место из «Государства» и получают в результате: *ad ignem in stratis commode et eleganter collocantes*¹¹. Вот откуда «с удобством» в переводе Егунова. Ведь очень многие издатели, в том числе Аст и Штальбаум, такую трактовку текста «Государства» поддержали. Более того, редакторы авторитетнейшего в своё время Цвейбрюккенского издания Платона (*Editio Bipontina*, 1781–1787: греческий текст по Стефану с параллельным латинским переводом Фичино) посчитали возможным подправить в этом же духе даже фичиновский перевод «Пира» (*Smp. 177d2*). Лишь Карл Шнейдер выразил сомнения в подобном толковании *эпидексии* — во всяком случае применительно к указанному месту из «Государства»¹²; позже его решительно поддержал в своём издании данного платоновского диалога Джеймс Адам, согласно которому *эпидексия* здесь просто призвана намекнуть на симпо-

¹⁰ Пер. Т.В. Васильевой под ред. И.И. Маханькова.

¹¹ Casaubon, Schweighäuser 1.168.

¹² Schneider 1.336–337.

сийный распорядок, подчеркнув тем самым несуразность ситуации, как и пышные одежды земледельцев¹³. И не то чтобы переводы, предпочитающие вариант «с удобством» (*commode*), этого не передают — просто здесь мы сталкиваемся с необоснованной неточностью и даже подтасовкой — от «Теэтета» к «Государству» и далее к «Пирu». Кроме того, ничто ведь не мешает даже *эпидексию* из «Теэтета» (в русском переводе едва заметную) истолковать в пространственном, а не модальном, ключе.

И вообще, как выясняется, в конкретном словоупотреблении как пространственный, так и модальный оттенки, о которых мы говорили, собственно говоря, стираются, а на первый план выступает подразумеваемая семантика *праздника* — причём праздника не обычного, навязанного традицией, а создаваемого в процессе самими участниками симпозиийного круга — возможно, и в пику уставным торжествам или даже как пародия на них. Не случайно лаконофил Критий, один из тридцати тиранов и двоюродный дядя Платона, противопоставляет в своей стихотворной «Лакедемонской политике» (88 DK B 6) афинскую *эпидексию* — бурное застолье с общей чашей, пускаемой вкруговую с тостами, — статичному спартанскому пиршественному то ли установлению, то ли упражнению (ἔθος Σπάρτηι μελέτημά τε κείμενόν). Вот как Афиней подытоживает платоновский «Пир» (192a):

Платоновский же пир — не сонм, не совет, не беседа философов (οὐ συνέδριόν ἐστιν, οὐ βουλευτήριον, οὐ λέσχη φιλοσόφων). Сократ и не помышляет о прекращении попойки, хотя уже ушли Эриксимах, Федр и многие другие, но продолжает бдение с Агафоном и Аристофаном, потягивая и из серебряного колодца (πίνει ἐξ ἀργυροῦ φρέατος), — так кто-то [Хамелеонт Гераклеийский] удачно назвал эти громадные чаши, — и из мелкого фиала, пуская его вкруговую слева направо (πίνει τ' ἐκ τῆς φιάλης ἐπιδέξια)¹⁴.

В другом месте (463c), упомянув о беседах семи мудрецов во время пира, тот же Афиней строками Иона Хиосского иллюстриру-

¹³ Adam 1902: 1.207–208.

¹⁴ Пер. Н.Т. Голинкевича.

ет эту симпозиийную традицию, которую наследует и по-своему претворяет и платоновский «Пир» (fr. 2.5–9 Diehl):

πίνωμεν, παίζωμεν, ἴτω διὰ νυκτὸς ἀοιδή,
ὀρχεῖσθω τις, ἐκὼν δ' ἄρχε φιλοφροσύνης.
ὄντινα δ' εὐειδῆς μῖμνει θήλεια πάρευνος,
κεῖνος τῶν ἄλλων κυδρότερον πίεται.

Будем пить и шутить; пусть всю ночь не кончается песня;
Кто-нибудь пляску начнет; празднуй, как хочет душа!
Если ж тебя еще ждет и красавица — ложа подруга,
Будешь сегодня ты пить радостей всех остальных¹⁵.

Источники и литература

- Голинкевич — Афиней. Пир мудрецов в 15 книгах / Пер. Н.Т. Голинкевича. Т. 1–2. М.: «Наука», 2004–2010.
- Adam 1902 — The Republic of Plato / Edited with Critical Notes, Commentary and Appendices by James Adam. Cambridge UP, 1902.
- Buttmann 1825 — Buttmann, Philipp. Lexilogus oder Beiträge zur griechischen Wort-Erklärung, hauptsächlich für Homer und Hesiod. Bde. 1–2. Berlin: In der Myliussischen Buchhandlung, 1825².
- Casaubon, Schweighäuser — Animadversiones in Athenaei Deipnosophistas / post Isaacum Casaubonum conscripsit Iohannes Schweighaeuser. T. 1–8. Argentirati: ex Typographia Societatis Bipontinae, 1801–1805.
- Dover 1980 — Plato. Symposium / Edited by Sir Kenneth J. Dover. Cambridge University Press, 1980.
- Dover 1989 — Dover K.J. Greek Homosexuality: Updated and with a new Postscript. Harvard University Press, 1989.
- Dunbabin 2002 — Dunbabin, Katherine M.D. The Roman Banquet: Images of Conviviality. Cambridge University Press, 2002.
- Schneider — Platonis Opera Graece / Recensuit et adnotatione critica instruxit Car. Ern. Christoph. Schneider. Vol. 1–3. Lipsiae: Sumptibus et typis B.G. Teubneri, 1830–1833.
- Smith 2003 — Smith, Dennis E. From Symposium to Eucharist: The Banquet in the Early Christian World. Minneapolis: Fortress Press, 2003.

¹⁵ Пер. Н.Т. Голинкевича.